

Твой день, Владимир!

История эта произошла в восьмидесятые годы прошлого столетия в обычном городе с обычными людьми в предновогодние дни, а точнее в последнюю субботу уходящего года. После выходных было еще два рабочих дня перед Новым годом, но все основные покупки для праздничного стола горожане стремились сделать именно в субботу, так как в воскресенье магазины не работали. А 30 и 31 декабря времени всегда не хватало, поскольку на работе кроме дел, которые необходимо было обязательно закончить в уходящем году, повсеместно организовывались посиделки с коллегами, на подобие современных корпоративов.

Вот и Володе предстоял сегодня непростой день. Его жена Галя пойдёт с маленькой дочкой Юлей до ближайшего продовольственного магазина и купит часть продуктов, а потом они будут наряжать ёлку, но основные закупки по списку предстояло сделать Володе на рынке: мясо, зелень, фрукты. Кроме того, надо купить шампанское. Водку и колбасу Володе традиционно выдали на службе в праздничном продуктовом наборе, но они с Галей собирались встречать Новый год с такой же молодой семейной парой, и шампанское на стол просто необходимо. Детские праздничные подарки из конфет, мандаринов и яблок для Юли они уже получили, каждый на своей работе, один дочке уже вручили, а второй положат под ёлку в новогоднюю ночь. Юли не было ещё четырех лет, но она была очень смышленной и общительной девочкой. Её знали и любили все соседи, приглашали на чай и, возвращаясь из гостей, она подробно рассказывала родителям: с кем общалась, и чем её угощали. Юля была очень подвижная и непоседливая. Ещё когда ей не было и года, и она могла только стоять в детской кроватке, расположенной у стены рядом с книжными полками, то её любимым занятием было скидывать в свою кроватку по очереди все книги, до которых она могла дотянуться. Если Галя была занята и не успевала убрать на место книги, то Володя, приходя с работы видел такую картину: на груди из книжек совсем недетских сидит Юлечка и перебирает их как игрушки. Игрушки тоже у Юли были, но её больше интересовали книги, журналы, открытки. Наверное, поэтому Володя всегда вечерами читал ей какую-нибудь сказку или рассказ. Когда Юля чуть подросла и выходила гулять во двор, мама всегда одевала ей яркую вязаную косынку, так легче было увидеть или даже отыскать непоседливую Юлечку. Дело в том, что Юля не умела ходить нормальным шагом, она всегда передвигалась бегом, и стоило только на минуту отвлечься, как она была уже на другом конце двора или ещё дальше. И тогда кто-либо из родителей бежал за ней следом, благо такая яркая косынка была видна издалека.

Их маленькая семья жила в деревянном двухэтажном доме, разделённом на комнаты, и в каждой комнате жила отдельная семья. Большой

общественный туалет из белого кирпича, состоящий из двух секций, стоял во дворе, и по утрам там иногда образовывалась очередь. В комнате стояла небольшая печка, которую топили дровами. В доме был водопровод, а потому проблем с водой не было. Готовила Галя на двухкомфорочной электрической плитке, удачной конструкции (из-за высокой температуры быстро готовилось любое блюдо). Плитка располагалась на специальном столе, отделённом от основной части комнаты большим шифоньером. Получилась как бы маленькая кухня, где кроме прочего стоял и небольшой холодильник.

Юлю рано определили в ясли, так как Галя работала медсестрой в реанимации городской больницы, её очень ценил главный врач, и для Юли без очереди выделили путёвку. Правда, ясли находились не близко, но молодых родителей это не смущало, и они по очереди, а иногда и вместе приходили после работы за Юлей. Если погода позволяла, они шли пешком по городу, затем поднимались на железнодорожный мост и смотрели вниз на длинные грузовые составы, затем спускались с другой стороны моста, а там уже и дом их недалеко – на улице Тургенева. Квартиру в этом неблагоустроенном доме Володе выделили, не снимая с очереди на благоустроенное жильё. Галя тоже стояла в очереди на жильё, но у Володи получить благоустроенную квартиру шансов было больше, так как он работал в крупном строительном тресте.

Квартиры выделялись бесплатно, согласно очереди, учитывался стаж и количество членов семьи, но ждали получение квартир годами. Молодые специалисты пользовались льготами, но, чтобы быть вместе Володя с Галей не поехали по распределению (их направляли в разные города), и оттого автоматически лишились этой льготы на первоочередное жильё. Всё устраивало Володю и его жену в этой жизни: они были молоды, любили друг друга, имели работу по специальности, а самое главное, их всегда радовала дочка Юля.

Их родные жили в других городах, виделись они с ними только во время отпуска, а потому привыкли полагаться только на себя и друг друга. Они успевали ходить в гости, в кино и театр, благо Юлечку охотно оставляли у себя соседи, да и дома в их небольшой комнате было достаточно уютно, и они с удовольствием проводили время вместе. Денег, конечно, не хватало, но одежду и мебель можно было приобретать в рассрочку, да и кассой взаимопомощи можно было воспользоваться при необходимости. Одним словом, главной мечтой их жизни была благоустроенная квартира. Как сказал дядя Яша, живший в одном из соседних домов и ремонтировавший им печку: «Пора вам переселяться из этого клоповника. По статусу вам жить здесь не положено. Хорошая у вас семья». Но слова и желания пока не совпадали с реальной жизнью.

Вот и вчера, в пятницу, было заседание профкома по распределению квартир, последнее в этом году. Обычно счастливчику сразу сообщалось об этом, ему вручались ключи от новой квартиры, а через какое-то время и ордер на новое жильё. Но Володя сразу понял: в списке получающих его нет,

да и вообще как-то тихо всё было, никто никого не поздравлял, и к Володе никто не подходил. Сколько ещё ждать? Год, два, три? Володя даже чувствовал некую вину перед Галей, которая правда не упрекала его ни в чём, но он понимал, что рай в шалаше – это хорошо, но лучше если это всё-таки не Тургенева, 12.

Володя взял сумку для продуктов, надел свою шубу из овчины с пышным белым воротником, покрытую сверху тёмным материалом и отороченную на рукавах натуральным мехом. Это был подарок от матери. Шуба эта делала его не только заметным, но даже каким-то важным и излишне крупным, хотя на самом деле Володя был стройным и энергичным парнем. Он не стал ждать автобуса на остановке недалеко от дома, а пошёл к железнодорожному мосту. Перейдя его, он оказался на привокзальной площади, откуда автобусы ходили куда чаще. День был холодный, но редкие маленькие снежинки, тихо падающие на землю, давали надежду, что к обеду, возможно, потеплеет. На большой крытой автобусной остановке стояло всего три человека: мужчина с женщиной и старушка – божий одуванчик. Старушка была какая-то совсем маленькая, укутанная поверх пальто в большой серый платок, в руках она держала необычную, замысловатую трость, больше похожую на клюку Бабы Яги. При этом мысленном сравнении Володя улыбнулся. Ведь буквально на днях жена рассказала ему забавный случай, который произошёл в общей городской бане, куда Галя ходила вместе с Юлей. Недалеко от них в моечном отделении сидела пожилая женщина с длинными седыми волосами, которые она расчесывала каким-то гребнем. Юля сначала долго и очень внимательно смотрела на старушку, затем подошла к ней и спросила: «Ты Баба Яга? Да?». Сидящие рядом женщины не смогли сдержать улыбок, а старушка, увидев, что к ней обращается девочка-ангелочек, спорить не стала:

- Да, можно и так сказать. Но я не всегда была такой. Прежде я была Еленой Прекрасной.

- Тебя что - околдовали?

- Нет, дитятка. Просто всему свой черёд.

Галя с извинениями отвела Юлю на своё место, а старушка просто сказала: «Чего здесь извиняться. Ребёнок непосредственный, любопытный, а это уже хорошо».

Подошел автобус. Володя пропустил старушку и вошел следом в салон автобуса через заднюю дверь. Народу в автобусе было много. Да и понятно – у всех предновогодние хлопоты. Старушка попыталась двинуться вперед, но это у нее не получилось. Везде стояли пассажиры. Она даже до поручня не могла дотянуться. На заднем сиденье, лицом к выходу сидел краснощекий, полноватый мальчишка лет двенадцати. Он был просто вылитый персонаж из известного выпуска «Ералаш». Через плечо стоявшего впереди мужчины Володя доброжелательно обратился к мальчишке:

- Давай отрок, уступим место бабушке.

Мальчишка не торопясь, но встал, освободил место, и Володя помог старушке протиснуться к сиденью.

«Старушка вся седая, сморщенная, но какая-то просветленная. Прямо чувствуется в ней какая-то загадочность. И глаза больно чистые для её возраста. А клюшка у неё совсем странная и необычная».

С такими мыслями ехал Володя, стоя на задней площадке переполненного автобуса, а рядом сидела довольная старушка с обаятельным выражением лица. «Понравилось, что я ей помог. Лицо такое одухотворенное».

Перед остановкой у рынка бабуля поднялась с места и стала пробираться к выходу.

- Да мы здесь все выходим, - сказал ей кто-то из пассажиров. - Не торопитесь. Все успеем».

У рынка действительно сходили многие пассажиры, но Володя с каким-то необъяснимым чувством ответственности помог старушке спуститься, при этом её клюка непонятным образом зацепилась за поручень, и Володе пришлось шагнуть обратно на ступеньку и отцепить бабушкин атрибут.

На рынке Володя был долго. Он знал - у кого купить свежее мясо и оставил это напоследок. Сначала он решил пройти чуть дальше, на так называемую барахолку. Барахолки семидесятых-восемидесятых годов – это отдельное значимое явление той эпохи. На барахолке можно было купить всё, если были деньги. Здесь приобретали новые или едва поношенные джинсы и куртки с логотипами известных западных фирм, турецкие дубленки и чешскую обувь, валенки местного производства и посуду из настоящего фарфора, а так же вещи и одежду, которые стали не нужными хозяевам и они были готовы продать их по очень низкой цене.

Володя шел сюда с определенной целью: ему нужна была дамская сумочка – подарок для Гали. Она как-то показала Володе, какая сумочка нравится ей и он решил подарить именно такую на Новый год, если найдёт.

Ему повезло: словоохотливый мужчина кавказкой внешности одну за другой доставал из огромного мешка сумочки, пока Володя не увидел точную копию той, которую показывала ему Галя. Он поторговался с продавцом, хотя уже точно знал, что всё равно купит эту элегантную кожаную сумочку серебристого цвета.

Важная покупка была сделана и Володя с удовольствием «обмыл» её стаканом газировки с сиропом из автомата в здании рынка. Газировку он выпил не залпом, а наслаждаясь привычным еще с детства вкусом сладкой жидкости с которой было связано немало воспоминаний. Любой выход в город, на прогулку, семьей или с приятелями, особенно в летнее время, включал в себя процедуру употребления газировки, когда уличный автомат получив трехкопеечную монету, с шипением и рокотом наливал в граненый стакан сначала немного сиропа, а затем воду с газом. В детстве мальчишки спорили (заклучали пари) на стакан газировки, родители напитком из этого агрегата ублажали маленьких детей, а взрослые дядьки, случалось, брали стакан из автомата, что бы выпить на троих, за углом, поллитровку водки, иногда забывая возвращать стакан на место. Самому агрегату иногда

доставалось в прямом смысле, если он вдруг начинал капризничать и не наливал газировку в ответ на опущенную в него монету. Тогда незадачливый клиент хлопал по нему ладонью, а то и вовсе ударом кулака заставлял автомат выполнить свои обязанности.

Лимонад в бутылках продавался во всех продовольственных магазинах, но выпить газировку у автомата, предварительно сполоснув стакан при помощи специального нехитрого устройства, было как-то привычнее и в этом был своеобразный элемент красивой жизни, о которой в то время говорили все, но мало кто реально имел о ней представление..

Володя порылся в карманах, нашел двушку (две копейки) и позвонил с телефона-автомата Виктору Петровичу Ястребову, тренеру институтской баскетбольной секции. Володя, как и некоторые его сокурсники, любил баскетбол, они занимались в спортзале института не только в отведенные для их секции, но и просто играли между собой, когда спортзал был свободен от занятий, разделившись на две команды, не обязательно по пять человек. Володя не обладал баскетбольным ростом, но его техничность нравилась тренеру и он, формально, не включая Володю в состав сборной института, привлекал его к играм с командами из других вузов и техникумов. Соперники, считая, что Володя с его ростом не основной игрок, оставляли его без опеки, особенно в начале матча, и он за несколько минут делал серию блестящих проходов к кольцу, виртуозно забрасывая мяч в корзину. Пока команда соперников осознала - кто есть кто, время было упущено, Володя набирал желаемые очки, полностью выкладываясь, а потом его заменяли.

Он всегда поздравлял своего бывшего тренера с праздниками, так как сохранил признательность за те студенческие годы, когда он жил в общежитии и Ястребов иногда выбивал для него в спорткомитете талоны на питание.

Поговорив по телефону-автомату, Володя довольным уходил с рынка с вместительной сумкой, набитой продуктами, и небольшой дамской сумочкой, которую он не решился положить в большую сумку, а просто нес её в руке.

Надо было зайти на почту, отправить праздничные телеграммы родителям, брату и сёстрам. Гале поздравить родственников было гораздо проще: у её родни в другом городе были домашние телефоны, и она в больнице, с ординаторской могла иногда им звонить.

Главпочтамт находился недалеко от рынка, и молодой человек отправился туда. Подойдя к трехэтажному зданию почты, Володя увидел, что та же старушка в большом платке и с несуразной тростью, намеривается подняться по ступенькам на большое крыльцо почтамта. Володя обратил внимание, что песком посыпана только одна часть лестницы, та, что рядом с перилами, а другая половина ступенек, что рядом со стеной, осталась не обработанной, а потому очень скользкой. Старушка хотела подниматься как раз по этим скользким ступенькам.

- Подождите. Надо подниматься вот здесь, - и Володя показал рукой на перила. Он помог подняться старушке на крыльцо, открыл перед ней сначала

одну массивную дубовую дверь, затем другую, и они вошли в помещение. Удивительно, но в этот раз очереди к окошку, где принимались телеграммы, не было. Обычно в предпраздничные дни, чтобы отправить телеграмму, приходилось стоять в очереди до получаса.

Володя сел за большой стол, поставив рядом сумку с продуктами и положив на стол сумочку – подарок, засунул перчатки в карман и попросил сидевшего за столом мужчину профессорской внешности, в коричневом пальто с каракулевым воротником, передать ему бланки телеграмм. Мужчина взял несколько бланков, лежавших стопочкой в центре стола, и передал Володе, одновременно чуть подвинув свои перчатки, лежавшие на столе. На них Володя сразу обратил внимание: дорогая кожа с блестящими кнопками и мехом внутри говорили о том, что перчатки эти явно импортные, а их хозяин человек состоятельный, или занимает высокую должность.

Мужчина казался очень расстроенным, похоже, он писал текст совсем не поздравительной телеграммы. Когда Володя закончил заполнять вторую телеграмму, он увидел, что мужчины рядом уже нет, а его дорогие перчатки остались на столе. Володя встал, быстро осмотрел весь зал, однако мужчины не было. Володя схватил перчатки и кинулся на выход. С крыльца он увидел уходящего по улице мужчину в коричневом пальто. Молодой человек догнал «профессора», который шёл, засунув руки в карманы, видимо, совсем забыв о перчатках.

- Возьмите перчатки. Вы оставили их на почте.

Мужчина отрешенно взглянул на Володю.

- Да, спасибо. Да, конечно, - проговорил он и пошёл дальше.

«Наверное, умер кто-то», - подумал Володя, посмотрел мужчине вслед и быстро пошёл обратно на почту.

Зайдя в зал и подойдя к столу, где только что сидел, он увидел, что сумка с продуктами стоит у стола, телеграммы лежат на прежнем месте вместе с оставленной на них шариковой ручкой, но на столе не было дамской сумочки - подарка для Гали. Он растерянно бегал по залу, затем подошёл к одной из девушек, сотруднице почты, но та ничего не видела. Пока он бегал за «профессором» сумочку увели.

Володя растерянно стоял на улице со своей продуктовой сумкой и осознавал всю безвыходность ситуации. Другой сумочки он уже не купит. У него просто не было таких денег. Тем не менее, он понимал: надо заставить себя пойти в гастроном, чтобы купить шампанское (не оставлять же любимую жену совсем без праздничных атрибутов). В это время из здания почтампа вышла старушка с клюкой, с трудом открыв тяжелую дверь. Спускаться по ступенькам держась за поручни, и осторожно переступая валенками, она начала в нужном месте и Володе не пришлось ей помогать. Старушка взглянула на озабоченного, ушедшего в себя молодого мужчину, остановившегося непонятно зачем на углу здания, что-то пробурчала себе под нос и прошлепала мимо него далее, по своим только ей известным делам.

Спустя несколько минут Володя, взяв себя в руки, направился к гастроному «Весна», в котором купил шампанское, затем на автомате пошёл

на остановку и вошёл в подошедший автобус, чтобы ехать домой. Пассажиров было уже намного меньше, даже были свободные места на заднем сиденье. Он снял перчатки, положил их на свободное место, рядом поставил сумку. Вдруг почувствовал, что сзади его кто-то шаркает. Он повернулся и увидел бабулю с клюшкой. Наверное, у него было нелепое выражение лица, но он, следуя неизменным законам логики своего поведения в этот день, поднял ставшую уже тяжёлой сумку и сказал как-то нерешительно старушке этого дня: «Садитесь», но бабуля неожиданно приняла совершенно другой вид: из божьего одуванчика она превратилась в какое-то жутковатое существо совершенно недоброго вида. Володя вдруг увидел в ней незнакомые, но явно узнаваемые черты старой ведьмы.

- Ты что ко мне привязался? Весь день за мной ходишь! Что тебе надо? Люди добрые, смотрите, маньяк, наверное, преследует меня.

Недоуменные пассажиры с интересом смотрели на интеллигентного вида молодого мужчину, совершенно обескураженного и воинственную старушку, которая тыкала в сторону Володи своей невообразимой огромной клюшкой. В этот момент автобус остановился, и Володя буквально выпрыгнул из него. «Чертовщина какая-то. Да, точно, баба Яга, а не божий одуванчик, но однозначно мистика. Что бы это значило? Ведь знак какой-то».

На остановке стояли парни его возраста и курили, о чём-то разговаривая между собой. Володя попросил у них сигарету, (хотя он бросил курить - Галя не переносила табачный запах), прикурил и с каким-то остервенением затянулся. Сделав несколько затяжек, он выбросил окурок и сел в автобус, который шёл не на вокзальную площадь, а в объезд, но ближе к его дому.

И только когда он вышел на своей остановке и сделал несколько шагов, почувствовал, что рукам холодно. «Перчатки!» Перчатки он оставил в автобусе с чудо-юдо-бабкой, свалившейся на его бедную голову ни за что ни про что. Что за день такой? Всё наперекосяк!.

Он не сразу пошёл домой, стоял около подъезда, смотрел на заснеженные деревья небольшого сквера, примыкавшего к его дому, где летом мужики играли в карты и шахматы, но зимой там даже тропинок не было, и думал, как он обо всём расскажет Гале.

«Ничего не буду пока рассказывать. Придумаю что-нибудь. Только что я придумаю? Неудачник, видимо, я», - с такими мрачными мыслями он вошёл в комнату. Дома Галя с Юлей были не одни. На диване сидел его коллега и приятель Дима, которого все называли Димонем.

- Ты что перед праздником такой хмурый, друг ты мой Владимир? Тебе радоваться надо.

- Чему радоваться, Димон? Какая-то невезуха просто.

- Ты о чём? Сегодня твой день. Квартиру вам выделили. Вчера заседание профкома не состоялось, на сегодня перенесли. Мне председатель профкома недавно домой звонил, просил тебе передать, чтобы ты к 16:00 ехал в трест. Ключи вручать будут. Новый год в новой квартире можете встретить, ну а переехать и после праздника можно. С тебя, брат, поляна.

Владимир стоял, не шевелясь, и только ощущал нежные родные руки Гали, которая обнимала его и непрерывно целовала в озябшее лицо, а Юля, удивленная, что отец не обратил на неё внимания, стояла рядом, дёргала отца за шубу и спрашивала:

- Папочка, а в новой квартире ты мне будешь новые сказки читать?

Владимир обнял супругу, чуть повернувшись лицом к печке и вдруг савок с длинной ручкой, стоявший у печки, стал превращаться в сказочную клюку, а через мгновение превратился в затейливый ключ, неправдоподобных размеров.

Владимир с улыбкой прогнал от себя минутное виденье и подумал, что нелепый «день старухи», стал и, правда, необычным, но его днем.